

UNITED WISDOM

Бергсон и измеримое время

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-12-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Бергсон и измеримое время

Эпиграф

Я лишь считаю одновременности, а это совсем другое.

Анри Бергсон, «Время и свобода воли», II, с. 108; собственный перевод из английского перевода Ф. Л. Погсона, экземпляр 1913 года. Завершённая часть предложения о наблюдении часов. Различие относится к счёту и философской длительности в аргументе автора; оно не отменяет определённую процедуру физического измерения.

О чём эта статья

Часы отвечают на вопрос, сколько прошло, но одинаковое число минут не делает два события одинаковыми по содержанию. Именно здесь легко сделать слишком большой вывод: будто измеряемое время искусственно, а единственная реальность находится внутри человека. Бергсон даёт более трудный материал для чтения. Его различение длительности и числового представления развивает философский аргумент, который включает сильные утверждения о сознании и движении. Эта статья рассматривает конкретные примеры главы II «Времени и свободы воли»: мелодию, маятник и изображение движения. Рядом стоят описание восприятия у Джеймса и определение одновременности у Эйнштейна. Их различия сохраняются. Для UW ценность такого чтения — проверить, какой вопрос решает измерение, что остаётся за его пределами и когда мы превращаем полезное число в неподходящую оценку. Практический вывод касается внимательного выбора описания, а не отказа от часов, доказательства свободы воли или обязательного способа переживать жизнь.

I. Что означает измерить

Представим условную работу над переводом письма. Человек выделил полчаса и отметил время начала и окончания. Он знает интервал, но ещё должен выяснить, подготовлен ли текст, сохранился ли смысл и понятен ли он адресату. Эти вопросы имеют собственные критерии. Если перевод занял вдвое больше времени, это сообщает изменение затрат, но само по себе не устанавливает ни качество, ни причину задержки. Возможно, требовалось уточнить термин; возможно, помешали внешние обстоятельства. Измерение важно именно как определённое свидетельство. Чтобы оно помогло решить другую задачу, нужен дополнительный переход, который следует назвать и проверить.

В обычном языке мы часто незаметно поручаем измерению эту дополнительную работу. Число часов учёбы начинает означать понимание предмета. Количество встреч —

@andrey.zarinsh @ilkutki

качество отношений. Длительность размышления — серьёзность решения. Иногда между такими величинами есть полезная связь в конкретной задаче, но её нельзя установить самим наличием числа. Нужно узнать, что происходило, как оценивалось содержание и какие условия сопоставимы. В этой статье такие случаи рассматриваются как вопросы к собственному описанию, а не как подтверждённые общие законы. Точность записи интервала и пригодность вывода из записи — разные проверки, даже когда обе могут быть необходимы.

Философская критика измерения начинается с уточнения его предмета. Мы сравниваем интервалы, считаем события, распределяем доступное время или судим о переживании? В каждом случае число получает смысл через определённый вопрос. Без него данные могут выглядеть внушительно и оставаться бесполезными для решения. Это не требование отказаться от количественного описания. Напротив, ясный предмет делает его применение точнее. Если нужно согласовать доступность двух людей, их впечатления от прошедшей недели не заменят время встречи. Если нужно понять трудность письма, часы не заменят чтения спорной фразы. Полезность способа зависит от того, какую работу от него ожидают.

Бергсон интересен здесь своей настойчивостью: он заставляет заметить переход от переживаемой последовательности к представлению её как ряда. Но современный читатель не обязан заранее согласиться со всеми основаниями такого перехода или его оценки. Можно сначала восстановить вопрос автора и посмотреть, что показывает выбранный пример. Потом — отделить собственное применение от философского вывода. Такой порядок чтения защищает от двух быстрых реакций: объявить критику измерения бессмысленной или сделать из неё универсальное разоблачение науки. Для содержательного разговора нужны аргумент, предмет сравнения и граница, за которой выбранный фрагмент уже не обеспечивает ответа.

II. Число предполагает различение

В главе II Бергсон обсуждает последовательность, представленную как линия или цепь, и последовательность, переживаемую через взаимопроникновение состояний. В выбранном фрагменте с. 99–106 числовое представление связано с различимыми элементами, поставленными рядом. Это часть философского аргумента о длительности, а не современное исследование мозга. Используется авторизованный перевод Ф. Л. Погсона, фактический экземпляр 1913 года. Французский оригинал и весь трактат здесь не исследуются. Название книги не даёт права выводить доказательство свободы воли из одного выбранного фрагмента о времени.

Для собственного примера возьмём два замечания к переводу. Их можно посчитать как два пункта, чтобы ничего не пропустить. Но первое замечание может изменить

понимание второго: уточнённое обращение меняет тон заключительной просьбы. Число пунктов не исчезает, хотя связь между ними оказывается важной для работы. Здесь достаточно признать, что счёт и понимание структуры отвечают на разные вопросы. Пример не подтверждает бергсоновскую метафизику. Он показывает, почему перечень иногда нуждается в последующем чтении связей. Считать элементы полезно; выводить из их количества завершённость понимания можно лишь при подходящем дополнительном критерии, который ещё предстоит установить.

Нельзя также считать любое различение частей искажением. Чтобы обсудить ошибку в конкретной фразе, её нужно выделить из письма. Чтобы договориться о порядке работы, нужны отдельные действия. При этом возвращение к целому позволяет проверить, что изменилось после исправления. Выделение и связывание могут служить одной задаче, если их функции понятны. Практический вопрос не в том, какая операция всегда подлиннее, а в том, чего мы лишаемся при использовании только одной. Иногда без раздельных пунктов невозможно начать работу; иногда без проверки отношений между ними невозможно обоснованно назвать её завершённой. Это авторское рассмотрение, а не утверждённый Бергсоном рабочий протокол.

Так критика представления может быть прочитана как повод к проверке собственных сокращений. Когда человек сообщает число, какое содержание оно предполагает? Когда он говорит о целом, какие части остаются непроверенными? У обеих форм есть цена. Перечень способен скрыть отношение элементов; общее впечатление — скрыть пропуск отдельного условия. Читатель может выбрать подходящую форму под задачу и изменить её при появлении сведений. В направлении «Путь» это помогает удержать конкретное занятие и его смысл без обязательства описывать любое событие исключительно качественно или превращать каждую внутреннюю перемену в набор единиц, который будто заранее объясняет её устройство.

III. Почему важен пример мелодии

Бергсон обращается к мелодии на с. 100–104 выбранного фрагмента. В его аргументе ноты связаны так, что изменение одной затрагивает переживаемое целое. Это философский пример взаимопроникновения, а не эксперимент, устанавливающий механизм слуха. Джеймс в XV главе, с. 605–610, тоже обсуждает связность воспринимаемой последовательности, но с другой задачей. Сопоставление помогает поставить вопрос о переживании частей в отношении друг к другу. Оно не делает два подхода одинаковым учением и не устанавливает для музыки, разговора и мысли одну универсальную длительность восприятия.

Важно не романтизировать сам пример. Человек может слушать мелодию и не знать, как назвать её устройство. Музыкант может различать технические части, сохраняя

восприятие целого. Описательная трудность не доказывает отсутствия структуры, а возможность анализа не доказывает, что опыт исчерпан перечнем. Поэтому полезно различить переживание, последующий рассказ и анализ конкретной задачи. В условном разговоре о музыке эти действия могут дополнять друг друга: участник описывает впечатление, другой показывает фрагмент, затем они слушают ещё раз. Ни один шаг не обязан стать окончательным судом над чужим опытом; каждый добавляет определённый вид сведений и допускает уточнение.

Перенос к жизненному выбору требует особой осторожности. Из связанности мелодии не следует, что жизнь должна быть гармоничным целым или что любое нарушение плана несёт скрытый смысл. Это была бы новая аналогия с собственными основаниями. В данной статье её нет. Есть более ограниченный вопрос: может ли изменение одного обстоятельства изменить понимание других? Например, уточнение адресата письма меняет уместность выбранного тона. Этот вопрос проверяется по письму и ситуации. Он не оправдывает любой ход событий, не обещает внутренней гармонии и не делает человека обязанным найти связность там, где он пока видит только разрыв или неопределённость.

Полезность мелодического образа сохраняется без большого обещания. Он напоминает, что одинаковое число элементов допускает разные отношения. В нашем условном письме можно сохранить все фразы и всё же изменить их смысл перестановкой или уточнением. Тогда сравнивать только объём текста недостаточно. Чтобы оценить работу, нужно назвать предмет: точность сообщения, уместность обращения, понятность запроса. Ни число минут, ни сильное чувство завершения не установят это самостоятельно. Образ Бергсона помогает заметить предел описания через количество. Уместность конкретного изменения проверяется уже в своей области и не получает доказательную силу от самого философского сравнения.

IV. Маятник и сильный тезис о сознании

На с. 104–110 Бергсон разбирает счёт колебаний маятника и совпадений с состояниями наблюдателя. Его объяснение различает расположенные рядом символы и переживаемую последовательность. Дальше он делает сильное утверждение: вне сознательного связывания в его описании остаётся отдельное положение, тогда как длительность относится к внутреннему процессу. Это следует сохранить как философскую позицию автора. Оно не принимается здесь за установленный факт, будто исчезновение человека прекращает физические процессы. Прочитанный аргумент можно исследовать, не выдавая его метафизические обязательства за результат современного эксперимента или за обязательное убеждение читателя.

Собственный практический пример устроен скромнее. При переводе письма человек смотрит на часы и замечает окончание выделенного интервала. Он одновременно может сказать, что задача всё ещё не прояснилась. Оба сообщения имеют смысл: одно касается времени работы, другое — её состояния. Непрояснённость не делает показание часов ложным. Точность показания не делает понимание завершённым. Можно остановиться, запросить уточнение или выделить другой интервал, если он действительно доступен. Число помогает принять решение о затратах, а содержание письма помогает понять, чего не хватает для ответа. Эти проверки не должны подменять друг друга.

Если участник пытается доказать свою глубину тем, что не смотрит на часы, он добавляет новую норму, которой этот пример не требует. Для общего дела время окончания может быть необходимым условием. Другой человек ждёт материал, должен закончить работу или не может продлевать встречу. Обсуждение длительности должно уметь сохранить его условия. Качественное содержание задачи не отменяет стоимость чужого ожидания. И требование сдать работу к определённому моменту не подтверждает, что её смысл понятен. При конфликте нужны ясные сведения: что готово, что осталось неизвестным и какая договорённость возможна. Философский словарь не решит этот разговор вместо участников.

Маятник полезен здесь ещё и как предупреждение о масштабе вывода. Различение опыта и представления не означает, что любая количественная процедура является ошибкой. Чтобы критиковать конкретное измерение, нужно назвать, что оно измеряет, по какому правилу и где перестаёт выполнять свою функцию. Если претензия касается другого предмета, её следует так и обозначить. Например, количество часов не является исчерпывающим описанием перевода, но это не опровергает запись времени работы. Такой предел позволяет принять содержательную философскую критику без общего отказа от измеримости и сохранить вопрос о том, насколько сильный вывод самого Бергсона убеждает читателя.

V. Движение и его след

В выбранном продолжении главы II, с. 111–125, Бергсон различает движение и пространственное представление пройденного. Он обсуждает парадоксы Зенона и отношение движения к его делению. Здесь рассматривается философская критика представления. Статья не воспроизводит доказательство математической теории и не делает вывода, что описание скорости или современный анализ неверны. Для этого потребовался бы другой набор источников и собственная проверка. Положение автора сохраняется в его контексте; из него берётся вопрос о том, совпадает ли изображённый ряд положений с полным описанием процесса, а не готовая отрицательная оценка физики.

В собственном примере готовый перевод отличается от процесса, которым он получен. Документ позволяет читать итоговые фразы, но не показывает все вопросы, уточнения и исправления. История версий добавляет сведения о работе, хотя тоже не воспроизводит переживание участника целиком. Это различие между результатом и процессом полезно для обсуждения труда. Оно не делает результат менее действительным. Готовое письмо может быть уместным независимо от того, легко ли было его написать. И трудный процесс не гарантирует хорошего результата. Чтобы оценить каждый предмет, нужны его условия, а не единая шкала сложности, объёма и времени.

Когда человек возвращается к записи события, он смотрит из нынешней ситуации. Некоторые связи стали яснее; некоторые сведения появились позже. Поэтому последовательность отметок может понадобиться, чтобы не приписать прежнему участнику знание, которого у него ещё не было. Это не универсальная теория памяти и не диагностический совет. Это правило честного обсуждения условного примера: различать сведения, доступные тогда, и нынешнее объяснение. Если значение фразы изменилось после уточнения, полезно назвать, какое уточнение произошло. Тогда ретроспективная ясность не превращается в обвинение, будто всё было очевидно заранее и человек просто отказался поступить правильно.

Практически полезны оба вида описания. Итог нужен адресату, который должен понять письмо. Процесс может понадобиться для решения о следующей работе: какое условие стоило уточнить раньше, сколько времени реально доступно, кто должен подтвердить спорный термин. При этом изучать весь процесс необязательно, если вопрос касается только готового сообщения. Выбор зависит от задачи и цены дополнительного рассмотрения. Нельзя назначать обязательное возвращение к каждому шагу как условие глубины. Бергсоновское различение помогает заметить возможность подмены; современная работа с письмом остаётся отдельным применением, которое человек вправе использовать лишь там, где оно отвечает его вопросу.

VI. Физическое определение остаётся определением

В § 1 статьи Эйнштейна 1905 года местные часы в точках A и B ещё не дают общего времени без правила синхронизации. В § 2 сравниваются относительно движущиеся системы и одновременность. Это физическая конструкция с явными условиями, а не тезис о качестве внутреннего опыта. Сопоставление с Бергсоном здесь методологическое: нужно установить, что именно определено и какой вопрос остаётся за пределами определения. Более поздний спор Бергсона о релятивизме не рассматривается. Работа 1889 года в экземпляре перевода 1913 года не является источником содержания спора 1922 года.

Сильная философская критика может утверждать, что процедура оставляет за пределами истинную длительность. Но это ещё не показывает, что процедура не выполняет собственную физическую функцию. Для оценки такого утверждения полезно удержать два уровня: пригодность определённого измерения и философскую претензию на исчерпывающее описание времени. Они могут обсуждаться отдельно. Читатель вправе считать, что измерение не исчерпывает опыта, не принимая тезиса, что сознание создаёт внешнюю последовательность. Он может признать полезность часов, сохранив вопрос о содержании переживания. Это ограниченная возможность сравнения, а не предложение примирить все положения авторов одним современным словарём.

Само слово «наблюдатель» особенно требует осторожности. В процедуре согласования часов оно относится к действиям в физическом описании. В философском обсуждении может относиться к сознательному связыванию состояний. Эти роли не становятся одинаковыми от совпадения слова. Нельзя переносить настроение, внимание или убеждение человека в качестве объяснения относительной одновременности. Нельзя и считать физическое определение доказательством отсутствия внутреннего опыта. Чтобы такой переход был содержательным, пришлось бы дать отдельное основание. В статье он не делается. Разные источники нужны для уточнения границы, а не для создания впечатления, будто наука уже подтвердила желаемую философию.

Для направления «Путь» остаётся полезный способ постановки вопроса. Когда собственная оценка расходится с записью, уточните предмет расхождения. Время работы оказалось другим? Содержание задачи изменилось? Критерий готовности не был согласован? Человек иначе понимает ценность результата? Только после этого можно выбрать вид проверки. Расхождение не обязательно является личной ошибкой или глубоким кризисом. Иногда достаточно уточнить срок, фразу или ожидание адресата. Такая соразмерность помогает сохранить мысль о пределах числа, не превращая её в обязательство пережить особую внутреннюю трансформацию при каждом столкновении с расписанием, отчётом или внешним требованием.

VII. Качество не даёт универсальной оценки

Оценка содержания также нуждается в вопросе и границах. Можно чувствовать, что письмо наконец сложилось, и всё же обнаружить пропущенное условие. Можно не переживать особой ясности, но подготовить точное сообщение. Поэтому качественное описание не получает автоматического превосходства над другой проверкой. Оно сообщает, как человек понимает процесс, что считает важным и где видит затруднение. Для вывода о готовности нужны дополнительные сведения, соответствующие задаче. Субъективный рассказ не обязан стать единственным судом, чтобы заслужить внимания. У него есть собственная роль, которую легко потерять, если потребовать от него подтвердить сразу и смысл, и результат, и причины происходившего.

В отношениях между людьми особенно важно не навязывать свою шкалу. Один участник оценивает письмо по точности; другой — по уместности тона; третий — по соблюдению согласованного срока. Эти критерии могут быть значимыми одновременно. Если они конфликтуют, нужно выяснить приоритет для данной ситуации и доступность изменения. Нельзя объявить человека поверхностным только потому, что ему требуется ответ к определённому времени. Нельзя считать равнодушным того, кто указывает на смысловую ошибку вместо признания затраченных часов. Описания процесса и результата позволяют говорить о разных интересах, сохраняя право другого участника назвать свой критерий и не принимать навязанную оценку.

Есть и материальная сторона различения. Участник может понимать задачу и не иметь условий для её выполнения. Доступный интервал ограничен работой, дорогой или необходимой помощью. Насыщенность опыта не прибавляет часы автоматически. Поэтому предложение внимательнее различать качество и количество не заменяет изменения условий. Иногда следующий шаг связан с договорённостью, ресурсом или отказом от неподъёмного обещания. Иногда он сейчас недоступен. Тогда полезно назвать предел без заключения о слабом намерении. Философия длительности не должна становиться способом требовать от человека скрытого внутреннего ресурса, который будто обязан компенсировать любую внешнюю нехватку.

Качественное и количественное описания могут совместно помогать решению, не складываясь в общий балл. Число указывает затраты и доступность. Описание сообщает содержание и открытый вопрос. Критерий задачи связывает их с возможным действием. Например, адресату нужен точный термин, а до согласованного срока остаётся ограниченный интервал. Тогда можно запросить подтверждение, предложить промежуточный ответ или признать невозможность. Выбор зависит от условий и согласия участников. Он не выводится из философского образа мелодии и не становится

гарантированно правильным после записи. Практическая ценность различения состоит в точности вопроса, который человек действительно способен обсуждать и проверять.

VIII. Читать критику, сохраняя предмет

Чтобы читать Бергсона содержательно, полезно разделить его пример, аргумент и силу вывода. Мелодия показывает выбранное отношение частей в переживании. Рассуждение о маятнике исследует счёт и символическое представление. Продолжение о движении переносит критику на изображение процесса. Затем возникает вопрос, достаточно ли этих оснований для сильных философских утверждений автора. Читатель может принять часть различений и оставить вывод открытым. Это не уклонение от чтения, если ясно сказано, что принято, что рассмотрено как позиция и что не доказано в используемом фрагменте. Согласие с интересным примером не обязано означать принятие всей метафизики.

Сравнение с Джеймсом помогает увидеть ещё одну границу: описательная связность воспринимаемого настоящего не равна бергсоновскому понятию длительности во всей его философской роли. Сравнение с Эйнштейном напоминает о конкретном определении, которое не предназначено отвечать на каждый вопрос опыта. Здесь нет общей теории, где каждый автор поставляет удобную часть. Есть последовательное уточнение предметов и проверяемых переходов. Для самостоятельного размышления этого может быть достаточно. Философское чтение не обязано закрыть вопрос раз и навсегда, чтобы изменить точность собственного языка и сделать менее поспешным вывод, который раньше казался очевидным из числа или впечатления.

Вернувшись к условному переводу письма, человек может решить, что именно нужно проверить сейчас. Показание времени уже известно; смысл спорной фразы ещё нет. Значит, дополнительный счёт минут не закроет содержательный вопрос. Или содержание согласовано, но доступного интервала для работы нет. Тогда дальнейшее переживание ясности не обеспечит выполнение. Такое различение ведёт к разным действиям и допускает отсутствие немедленного решения. Оно принадлежит современному применению UW. Источники помогают поставить границы, а вопрос о доступном шаге решается в самой ситуации. Не требуется ни отказаться от измерения, ни считать внутреннее описание окончательной истиной, чтобы воспользоваться этим различением.

Бергсоновская критика остаётся требовательной именно тогда, когда её не превращают в лозунг. Она приглашает посмотреть, какой предмет был заменён удобным представлением, и затем спросить, оправдана ли замена для выбранной задачи. Иногда оправдана: нужно согласовать срок или сравнить затраты. Иногда оставляет существенный вопрос открытым: нужно понять содержание происходившего. Умение

назвать оба случая не делает жизнь измерительной таблицей и не требует безусловного доверия впечатлению. Оно сохраняет возможность точного описания, осмысленного выбора и признания предела. Какое место эти возможности займут в жизни, решает человек, а не число на часах и не авторитет философской цитаты.

Что это значит на практике

Выберите одну ситуацию, где число используется для оценки: время работы, длительность встречи или количество шагов. Сформулируйте, что именно хотите узнать. Если вопрос уже решён, дополнительный разбор не нужен. Это авторское предложение UW, а не метод с установленной эффективностью и не практическая рекомендация Бергсона.

Назовите измеренный предмет и способ его определения. Затем проверьте, какой вывод из числа сделан: о затратах, понимании, качестве или доступности. Для вывода о содержании укажите отдельный критерий и доступные сведения. Не заменяйте его требованием яркого переживания. Если сведений нет, оставьте вывод открытым вместо общего обвинения в пустой трате времени.

Отдельно рассмотрите собственное качественное описание. Что в нём сообщается о процессе, а что предполагается о результате или чужих намерениях? При необходимости уточните у участника смысл и согласованный критерий. У другого остаётся право предложить свой вопрос или отказаться от дополнительного обсуждения. Взаимопонимание не подтверждается одним вашим чувством завершённости.

Выберите доступный шаг только при необходимости: уточнить условие, проверить результат, согласовать срок или признать отсутствие ресурса. Не обещайте устранить внешнее ограничение правильным отношением к длительности. После ответа на исходный вопрос можно остановиться. Практика нужна для различения предметов описания; она не требует постоянной оценки каждого интервала жизни.

Ключевая цитата

> *Мы не определили общего «времени» для A и B*

Альберт Эйнштейн, «К электродинамике движущихся тел», § 1; собственный перевод из перевода W. Perrett и G. B. Jeffery, 1923. Завершённая часть предложения: далее вводится необходимое правило согласования через световой сигнал. Речь о ещё не заданном общем времени в описанной процедуре, а не об отсутствии времени или физической реальности.

Связи между традициями

Тексты и локаторы	Что сравнивается	Где проходит граница
Бергсон, II, с. 100–106, мелодия; Джеймс, XV, с. 605–610, последовательность	Связь частей в переживании позволяет спросить о пределах изолированного элемента.	Бергсоновская философская длительность не равна Джеймсовому описанию восприятия.
Бергсон, II, с. 104–110, маятник; Эйнштейн, § 1, часы A/B	Прежде чем оценивать измерение, нужно назвать его предмет и процедуру.	Метафизический аргумент о сознании не является правилом физической синхронизации.
Бергсон, II, с. 111–125, движение и его изображение; Эйнштейн, § 2, измеряемый стержень	Представление и определённая операция измерения исследуются по своей задаче.	Философская критика не доказывает ошибочность физического сравнения; вычисления здесь не воспроизводятся.
Бергсон, II, с. 100–104, взаимопроникновение; Джеймс, XV, с. 609–610, части воспринимаемой длительности	Отдельное различение частей можно сравнить с рассмотрением их связи.	Одинаковый нервный механизм и единая онтология не утверждаются.
Бергсон, II, с. 104–110, счёт; Джеймс, XV, с. 611, символически мыслимые интервалы	Величина интервала не исчерпывает содержание описанного занятия.	Пример перевода — авторская иллюстрация UW, без установленного эффекта для качества работы.
Бергсон, II, с. 115–121, механическое представление; Эйнштейн, введение и §§ 1–2	Уточнить область объяснения до сильного вывода о времени.	Работа Бергсона 1889 года и её экземпляр перевода 1913 года не устанавливают содержание спора 1922 года.

Первоисточники

1. Анри Бергсон. Time and Free Will, авторизованный английский перевод F. L. Pogson; George Allen & Company / Macmillan, экземпляр 1913 года. Выбранный непрерывный фрагмент главы II, с. 99–125: мелодия, маятник, длительность и движение. Сильные положения о сознании сохраняют философский статус; весь трактат и поздний спор о релятивизме здесь не рассматриваются.

2. Альберт Эйнштейн. On the Electrodynamics of Moving Bodies, 1905; W. Perrett и G. B. Jeffery, The Principle of Relativity, Methuen, 1923; электронная редакция John Walker.

Введение и §§ 1–2, с. 1–5: синхронизация и сравнение систем. Физическое определение не является описанием внутренней длительности.

3. Уильям Джеймс. The Principles of Psychology, XV, оригинальный английский текст 1890 года, транскрипция Christopher D. Green, York University. С. 605–610 и начало с. 611: воспринимаемая последовательность и символически мыслимые интервалы. Современный универсальный механизм восприятия не устанавливается.

Теги

Бергсон, длительность, измеримое время, время, числовое представление, качество, количество, мелодия, маятник, движение, пространственное представление, последовательность, взаимопроникновение, сознание, философский аргумент, Эйнштейн, синхронизация, одновременность, система отсчёта, Уильям Джеймс, восприятие, Путь, критерий задачи, процесс, результат, временные затраты, доступные условия, границы сравнения

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.